

Йен и Пегги сели за стол, чтобы обсудить файл с информацией о Стиве. Пегги объяснила, что Стив был выбран доктором Эрскином для эксперимента, который должен был превратить его в суперсолдата. Далее она рассказала, что доктор Эрскин был захвачен HYDRA и доставлен в замок Кауфман. Иоганн Шмидт, лидер HYDRA, приказал своим людям отправить доктора Эрскина в концлагерь. Пегги упомянула, как Шмидт ввел себе сыворотку, которая наделила его невероятными способностями, но при этом обезобразила его лицо, сделав его похожим на красный череп. Пока Пегги знакомила Йена с информацией, содержащейся в досье Стива, он старался скрыть свои истинные эмоции. Он знал, что этот проект строго засекречен и не мог позволить себе вызывать какие-либо подозрения у Пегги. Поэтому он вел себя так, будто слышал обо всем в первый раз, хотя уже был в курсе всех деталей. Когда часы пробили поздно, Йен встал с кресла и потянулся. Он попрощался с Пегги и вышел из ее кабинета. Закрыв за собой дверь, он глубоко вздохнул и выдохнул. На следующий день на тренировочном поле лагеря «Лехай» взошло солнце, заливая золотым светом новобранцев, собравшихся на тренировку. Пегги стояла перед ними, ее зоркие глаза сканировали каждого новобранца, пока они проходили свои этапы, проверяя, соответствуют ли они ее стандартам. Новобранцы отжимались, полные решимости доказать свою состоятельность. Однако внимание Пегги привлек Стив, который с трудом справлялся даже с одним отжиманием. Его руки тряслись от усилий, дыхание было затруднено, когда он пытался поднять себя. Доктор Эрскин и полковник Филипс издали наблюдали за новобранцами на тренировочном поле. Полковник Филипс выглядел удрученным, когда заметил: — «Похоже, я просто не понимаю европейского чувства юмора, доктор», — когда они подошли к группе. Он посмотрел на Стива, который с трудом держался на ногах, и с недоверием спросил: — «Вы же не думаете выбрать Роджерса?» Доктор Эрскин, однако, был тверд в своем решении и ответил: — «Я не просто думаю об этом. Его выбор очевиден». Полковник Филипс скрипнул зубами, явно недовольный принятым решением, и продолжил: — «Когда вы пригласили девятистофунтового астматика на мою военную базу, я отнесся к этому спокойно, потому что предполагал, что он будет вам полезен, как песчанка. Я никогда не думал, что ты выберешь его». Затем он жестом указал на Стива: — «Посмотрите на него! Он заставляет меня плакать». Доктор Эрскин закатил глаза, понимая, что полковник Филипс не видит всей картины. — «Я ищу качества, выходящие за рамки физических», — объяснил он. Но полковника не интересовали рассуждения доктора Эрскина. — «Вы знаете, сколько времени ушло на организацию этого проекта? Сколько мне пришлось унижаться перед комитетом сенатора Брандта?» — сказал он, явно расстроенный. Продолжая спорить, они заметили, как Ходж с легкостью отжимается. — «Ходж прошел все тесты, которые мы ему давали. Он большой, быстрый и выполняет приказы. Короче говоря, он солдат», — отметил полковник. Но доктор Эрскин не поддался на это: — «Он хулиган». Глаза полковника надолго задержались на докторе Эрскине, пока их внимание не привлек звук шагов. Повернувшись, они увидели Йена, который целеустремленно шел к ним. Йен отдал честь полковнику Филипсу, который ответил тем же. — «Вольно, сержант!» — сказал полковник, любуясь медалями на форме Йена. — «Вы впечатляющий солдат! Ваши отчеты с Соломоновых островов свидетельствуют о ваших выдающихся усилиях — от уничтожения японских солдат и разрушения баз до обеспечения безопасности аэродромов, вы сделали все!» Йен смиренно принял комплимент, а доктор Эрскин похвалил его. — «Вы прошли долгий путь, сержант. Я под большим впечатлением», — его тон выражал восхищение. Затем доктор Эрскин повернулся к полковнику Филипсу и предложил: — «Возможно, мы должны позволить сержанту Йену самому решать, кого нам выбрать для участия в программе», — со знающим блеском в глазах. Полковник Филипс кивнул, а доктор Эрскин обратился к Йену с вопросом: — «Сержант, как вы думаете, кто из этих новобранцев лучший солдат?» Йен внимательно осмотрел новобранцев, и когда его взгляд переместился на группу, он не мог не заметить тощую фигуру Стива Роджерса, который, казалось, с трудом справлялся с упражнением. С чувством возбуждения он направился к грузовику и достал гранату. В его голове промелькнула сцена из фильма, и он понял, что это прекрасная возможность проверить, из чего сделаны новобранцы.

Проигнорировав вопрос доктора Эрскина, Йен бросил гранату в сторону новобранцев, выкрикнув предупреждение. В панике они бросились в укрытие. Ходж нырнул под ближайший джип, а Стив инстинктивно бросился на гранату, крикнув всем остальным пригнуться. Прошло несколько мгновений, а ожидаемого взрыва так и не последовало. В замешательстве Стив медленно открыл глаза и посмотрел вокруг. Тем временем лицо доктора Эрскина озарилось широкой улыбкой, а полковник Филипс смотрел на него с неодобрением. Стив оглядел остальных, не понимая, что только что произошло. Наконец он собрался с духом и спросил: — «Это тест?» Йен подошел к Стиву с теплой улыбкой и протянул руку, чтобы помочь ему подняться. Стив отряхнулся, все еще дезориентированный внезапным броском гранаты. Йен повернулся к доктору Эрскину и уверенно заявил: — «Думаю, вы нашли ответ, доктор». Доктор Эрскин засиял, понимая, что самоотверженная и быстрая реакция Стива подтверждает его теорию о том, что сыворотка улучшит характер Стива. Когда Йен подошел к ним, полковник Филипс в гневе у удалился. Доктор Эрскин перевел взгляд на Йена, оценивая его, прежде чем задать вопрос: — «Сержант Уэстбрук, не хотите ли вы стать свидетелем исторического события?» Сердце Йена заколотилось от волнения. Он осознал всю важность предложения доктора Эрскина и с готовностью ответил: — «Да, сэр! Это большая честь для меня». Когда доктор Эрскин ушел, Йен подошел к Пегги, которая внимательно наблюдала за новобранцами. Он наклонился к ней и прошептал на ухо: — «Это твой мальчик?», — кивнув в сторону Стива. Глаза Пегги сузились, и она, пытаясь в раздражении, наступить Йену на ногу, но он ловко уклонился от этого движения и с ухмылкой удалился. Когда он оглянулся на нее, а затем на Стива, лицо Пегги слегка покраснело от гнева и смущения, а кулаки крепко сжались, все еще разъяренные его комментарием.